

Лаврова И.А.
(Сургут)

Борьба с детской беспризорностью и законодательное регулирование преступности несовершеннолетних в 1930-е годы

С конца 1920-х годов проблема детской беспризорности постепенно исчезает со страниц советской печати. Это было связано с политической установкой советского государства о завершении дела борьбы с беспризорностью. Тем не менее новые волны беспризорников, вызванные политикой раскулачивания и коллективизации, голодом 1932 – 1933 гг., политическими репрессиями, вновь заставили общественные и государственные структуры предпринимать шаги по анализу её причин и мер по её ликвидации.

В законодательных актах, текстах научных работ по педагогике, психологии, в средствах массовой информации происходило обсуждение тем беспризорности и безнадзорности, преступности несовершеннолетних, предлагалось, что необходимо делать государству и обществу, каким должен быть контроль над беспризорностью и преступностью несовершеннолетних подростков на уровне государственной социальной и уголовной политики.

Советская власть с первых дней официально определила заботу о детях одним из главных принципов социальной политики государства, а охрана детства закреплялась обязанностью многих центральных наркоматов и ведомств и их местных органов. Детским вопросом одновременно занимались Наркомпрос, Наркомсобес, Наркомздрав, Наркомюст, Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК РСФСР, ВЧК. Детская беспризорность провозглашалась главной категорией, определяющей социальную причину преступного поведения, она позиционировалась в идеологическом дискурсе как негативное, но отвратимое последствие глубокого политического и экономического кризисов, гражданской войны, иностранной интервенции, кровавого террора, засухи, неурожая и голода начала 1920-х годов. Контроль детской беспризорности и, следовательно, детской преступности принимает форму ликвидации и борьбы в чрезвычайных условиях.

Понятие «беспризорный ребёнок» было сформулировано в середине 1920-х годов. Е. Ливниц предложил следующее определение: «Это ребёнок, поставленный в такие условия, когда он сам содержит себя, а иногда не только себя, но и своих близких (братьев, сестёр, мать и т.д.). И не важно, есть ли у него койка, живёт ли он в «семье», основное то, что нет никаких

орудий производства, нет никакой собственности, что он вынужден сам прокармливать себя» (1).

В 1920-е годы развернулась дискуссия о причинах детских девиаций, она выявила два подхода к решению проблемы. Часть учёных, прежде всего педагоги и медики, выдвинула термин «детская дефективность», причисляя к ней беспризорников и преступников и связывая их девиантное поведение с врождённой дефективностью и психическими отклонениями. Они предлагали в первую очередь «лечить дефективных». С критикой выступали учёные П.П. Блонский, В.И. Куфаев и другие. Обследование ими семейного, экономического и социального положения несовершеннолетних преступников, путей, приведших к правонарушениям, показало, что врождённой преступности и моральной дефектности нет. Источником детских правонарушений были материальная и воспитательная заброшенность. Благодаря этим учёным было признано, что беспризорные дети – это, в большинстве, нормальные подростки, в силу социально-экономических обстоятельств вынужденные самостоятельно бороться за своё существование (2).

В нормативно-правовых документах 1920 – 1930-х годов юридического определения терминов «беспризорность», «безнадзорность» не было, а это затрудняло установление границ государственного вмешательства в сферу воспитания ребёнка. Отмечая многогранность понятия «детская беспризорность» и невозможность придать ему строго определённую форму, власти ограничились введением признаков, характерных для детской беспризорности:

1. Под эту категорию попадали дети, не имевшие родителей и не находящиеся на попечении учреждений или отдельных лиц и, следовательно, не имевшие присмотра.
2. Дети, хотя и имевшие родителей или попечение отдельных лиц и учреждений, но «присмотр и окружающая среда их таковы, что не может быть уверенности в правильном усвоении ими принципов морали и воспитания».

Только в 1930 г. беспризорные стали определяться «как несовершеннолетние, лишённые педагогического надзора и попечения и живущие в условиях, вредно действующих на их общественные проявления и здоровье». При этом беспризорными считали не только дети, потерявшие родителей (или опекунов), но и тех, чьи родители (или опекуны) «лишают детей пищи, грубо с ними обращаются, совращают их на преступления, разлагающе влияют собственным примером» (3).

Начиная с 1930-х годов акценты государственной политики в отношении детей, детства, детских правонарушений начинают изменяться. Если в первое десятилетие советской власти причины детской преступности связывались с беспризорностью вследствие чрезвычайных событий и утверждалась государственная ответственность за миллионы беспризорников в стране, то уже в 1930-е годы в качестве основной причины, определявшей пра-

вонарушение несовершеннолетних, провозглашалась безнадзорность. Впервые правовой термин «безнадзорность» в законодательной практике был применён в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (4). Безнадзорным считался несовершеннолетний, необеспеченный надлежащим надзором за своим поведением и образом жизни со стороны родителей или лиц их заменяющих, а также учреждений, на воспитании и содержании которых он находится. Некоторое время в официальных дискурсах нормативных актов, профессиональных педагогических журналов категории беспризорность и безнадзорность использовались одновременно. Анализ внутренних инструкций ведомств тех времён, как отмечают юристы, не позволяет провести содержательную разницу между двумя этими категориями (5).

Первый Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. зафиксировал нижний предел наступления уголовной ответственности лица в 14 лет. В случае осуждения подростков от 14 до 16 лет срок назначенного наказания подлежал сокращению наполовину, а в возрасте от 16 до 18 – на одну треть. УК РСФСР установил запрет применения к несовершеннолетним смертной казни. Тенденция к смягчению карательной политики связана с принятием правовых норм о рассмотрении судами дел по обвинению лиц в возрасте от 14 до 16 лет лишь в случаях, когда комиссия по делам несовершеннолетних (комонес) признаёт невозможность применения к данному подростку медико-педагогических средств воздействия. В 1929 г. возраст наступления уголовной ответственности был повышен до 16 лет и расширены права комонес по направлению участников преступлений в воспитательные учреждения (6).

В 1920-е годы сложилась определённая сеть учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Существовавшие до 1917 г. реформатории и земледельческие колонии для подростков до 18 лет были реорганизованы в трудовые дома и трудовые колонии. В 1924 г. был начат эксперимент по созданию нового типа исправительного учреждения для несовершеннолетних правонарушителей трудовых коммун ОГПУ. Первая была создана в Бояшево Московской области, второе в 1927 г. – трудовая коммуна имени Дзержинского. Для несовершеннолетних правонарушителей младшей возрастной группы, в силу малолетства не могущих быть субъектами уголовного судопроизводства, существовали – центральный карантинный распределительный детский пункт и сеть закрытых детских домов для детей дефективных и трудновоспитуемых.

1 августа 1933 г. ВЦИК и СНК утвердили новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. В нём указывалось, что для несовершеннолетних правонарушителей организуются особого типа школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). «Эти школы были призваны готовить квалифицированных рабочих для народного хозяйства, перевоспитать оступившуюся модель в активных участников социалистического строительства» (7). В деятельно-

сти этих школ главным являлось трудовое и нравственное воспитание юных правонарушителей. В 1934 г. школы ФЗУ из ведения Наркомата юстиции перешли в систему Наркомата внутренних дел СССР. Вскоре они были преобразованы в детские трудовые колонии.

В первой половине 1930-х годов руководство страны признало целесообразным усилить уголовно-правовые репрессии к несовершеннолетним правонарушителям. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» устанавливалось, что несовершеннолетние, начиная с 12-и летнего возраста, уличённые в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, привлекаются к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания (8). В законе было отмечено обязательное смягчение наказания подросткам наполовину или на одну треть.

Ужесточение уголовного законодательства происходило в обстановке изменения структуры и компетенции государственных органов. Меры по предупреждению правонарушений несовершеннолетних стали осуществляться органами внутренних дел. В органах внутренних дел предусматривалось выделение в аппаратах уголовного розыска специальных работников по борьбе с преступностью несовершеннолетних, имевших оперативный стаж в опыте работы с детьми. Согласно приказу НКВД СССР № 115 от 28 июня 1935 г. в отделах (отделениях) милиции были образованы комнаты для приёма детей.

Этот день является датой создания детских комнат милиции, которые действовали до 1977 г. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (9) были отменены положения нормативных актов о порядке рассмотрения комонес материалов о преступлениях подростков и эти комиссии были упразднены, а также был сокращён объём функций милиции по предупреждению правонарушений подростков. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. к группе преступлений, обозначенных в постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г., относились также действия несовершеннолетних (развинчивание рельсов, подкладывание на рельсы различных предметов и т.д.), которые могли вызвать крушение поездов (10). За все остальные преступления Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г. устанавливал уголовную ответственность с 14-летнего возраста (11). В постановлении от 31 мая 1935 г. акцент впервые делается на ответственности родителей за законопослушное воспитание детей.

Специальный IV раздел этого постановления определял обязанности родителей и опекунов по присмотру и надзору за поведением детей, уста-

навливал меры уголовной и материальной ответственности за правонарушения несовершеннолетних.

Введение в официальный дискурс новой категории безнадзорной и провозглашение основной социальной причины преступности несовершеннолетних не было случайным. Понять произошедшие дискурсивные изменения по вопросу преступности несовершеннолетних позволяет высказывание педагога А.С. Макаренко: «Беспризорные 1921 – 1924 гг. уже дано исчезли. Наш теперешний беспризорный это не продукт классового распада. Теперешний беспризорный это, прежде всего, ребёнок, потерявший семью. Причин тому много: более свободная форма семьи, отсутствие принудительного сожительства, более напряжённое движение человека в обществе, большая загруженность отца и матери работой, отход женщины от семейной ограниченности, материальные и прочие формы противоречий» (12).

Таким образом, в 1930-е наступает реакционный период в отношении беспризорников и несовершеннолетних правонарушителей. В это время смещается акцент с государственной ответственности за воспитание детей на индивидуальную ответственность родителей ребёнка. Главной социальной причиной детских правонарушений называется безнадзорность как отсутствие контроля за поведением ребёнка со стороны его законных представителей. Политика контроля противоправного поведения характеризуется усилением карательной составляющей (криминализация поведения, репрессивность санкций). Работе с несовершеннолетними в условиях специальных учреждений задают направление педагогические идеи перевоспитания в коллективе и посредством коллектива, принимающие в условиях изоляции авторитарный и антигуманный характер.

-
1. Ливниц Е. Социальные корни беспризорности. М., 1925. С. 3.
 2. Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения. М., 1979. Т. 1; Куфаев В.И. Беспризорные и правонарушители в 1923 году // Народное просвещение. 1924. № 9-10.
 3. Чугунов А.М. Органы социалистического контроля РСФСР (1923 – 1934 гг.). М., 1972. С. 431.
 4. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1935. № 32. Ст. 252.
 5. Барило Т.С. Комиссии по делам несовершеннолетних. Киев, 1976. С. 21.
 6. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952. М., 1953. С. 314-317.
 7. СУ РСФСР. 1933. № 48. Ст. 208.
 8. Собрание законодательства СССР. 1935. № 19. Ст. 155.
 9. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917 – 1937 гг.). М., 1938. С. 351-352.
 10. Там же. С. 409.
 11. Там же. С. 412.

Мельников Н.Н.
(Екатеринбург)

Внедрение конвейерно-поточного метода производства на заводах наркомата танковой промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны

В условиях войны одним из основных условий ее успешного завершения становится максимальное увеличение выпуска военной продукции. Первоначально увеличение продукции на танковых заводах шло в основном за счет роста количества рабочих, увеличения производственных площадей и станочного парка, удлинения рабочего дня, т.е. за счет количественных изменений. Это было возможно, главным образом, благодаря эвакуации оборудования, материалов и кадров западных предприятий, а также расширения местных мощностей. По мере восстановления и пуска производства эти возможности были исчерпаны, и увеличение выпуска военной техники в дальнейшем осуществлялось за счет лучшего освоения техники, совершенствования и упрощения технологии, перехода на более дешевые материалы, т.е. интенсификации производства.

Одним из основных организационно-технических мероприятий стал перевод танковой промышленности на конвейерно-поточный метод производства. При массовом выпуске военной продукции это явилось наиболее эффективным способом использования заводских резервов на нужды фронта, поэтому его организация стала предметом особого внимания правительства и партии. Внедрение конвейерного производства началось в 1942 г., и с середины 1943 г. оно стало основным источником повышения производительности труда в танковой промышленности.

До войны танкостроение не только в СССР, но и во всем мире было мелко- и среднесерийным. Производство танков носило штучный характер и требовало наличия в больших количествах рабочих высокой квалификации. В условиях войны необходимо было срочно найти альтернативный способ производства ввиду острой нехватки не только квалифицированных кадров, но производственных мощностей. Выход был найден в применении метода разработанного Генри Фордом для танкостроения, ранее использовавшийся только в автотракторном производстве. Советские танкостроители первыми в мире освоили крупносерийное производство боевых машин, используя и применив передовые методы автотракторной промышленности. В основу легла организация производства в цехах по принципу замкнутого выпуска